

ИСТОРИЯ

УДК 069.61(1923/1927)

В.Г. Ананьев

МУЗЕЙ ОТЖИВАЮЩЕГО КУЛЬТА (1923–1927): ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ

Статья посвящена истории создания и формирования коллекции Музея отживающего культа – одного из самых интересных музейных проектов Петрограда – Ленинграда первого послереволюционного десятилетия. На основании материалов из архивного фонда Общества Старый Петербург в статье восстанавливается история создания музея, выявляются основные пути формирования его коллекции. Основным объектом внимания со стороны музея являлись интерьеры закрываемых домовых и ведомственных церквей, которые сотрудники Музея стремились сохранять целостными ансамблями. Неблагоприятная экономическая и административная обстановка привела к тому, что основанный в 1923 г. музей был закрыт четыре года спустя, в 1927 г., а его коллекции оказались разрозненными между несколькими музейными и научными учреждениями Ленинграда.

Ключевые слова: музей; музеология; церкви; Музей отживающего культа; Общество Старый Петербург.

17 октября 1923 г. Петроградской конной милицией Обществу Старый Петербург (далее – Общество) было передано оборудование закрываемой Конюшенной церкви, построенной по проекту архитектора В.П. Стасова. В ведение Общества перешли разобраный на месте иконостас, престол, плащаница с балдахином, восемь икон, двенадцать подсвечников и хоругвей, два бронзовых подсвечника с престола и завеса от царских врат [1. Л. 51]. Так было положено начало формированию фондов интереснейшего музейного проекта 1920-х гг. – Музея отживающего культа (далее – Музей), существовавшего при Обществе вплоть до 1927 г. и являвшегося ярким примером музейной и памятникоохранительной деятельности первого послереволюционного десятилетия.

В отечественной историографии деятельности Музея отведено было лишь несколько страниц. М.Е. Каулен, опираясь преимущественно на архивные материалы Наркомпроса РСФСР, кратко охарактеризовала специфику его деятельности в контексте общей проблемы музеификации культовых сооружений Советской России конца 1910–1920-х гг. [2. С. 60–63; часть текста практически без изменений была включена автором в: 3. С. 206–209]. Л.Д. Шехурина дала общую справку о его судьбе в связи с музейными проектами Общества Старый Петербург в целом [4. С. 191–193; текст с сохранением опечаток переиздан как: 5. С. 177–180]. Вместе с тем данные работы предлагают лишь самое общее представление о специфике деятельности Музея, особенностях его создания и функционирования и содержат целый ряд неточностей, перешедших впоследствии в краеведческую и научно-популярную литературу. В данной статье на основании архивных материалов, часть которых прежде не привлекала внимание исследователей, мы рассмотрим историю создания Музея и пути формирования его коллекции (особенности экспозиционной программы Музея рассматриваются нами в специальной работе).

Создание Музея было связано с деятельностью Церковной комиссии, действовавшей при Бюро охраны художественно-исторических памятников Общества, и активностью председателя этой комиссии Вик-

тора Александровича Таубера. Первоначально задача возглавлявшейся им комиссии заключалась, вероятно, в выявлении ценного с историко-культурной точки зрения церковного наследия, сохранность которого оказывалась под угрозой в связи с общей ситуацией в стране и массовыми закрытиями петроградских храмов. Члены комиссии были организованы в группы, каждая из которых получала для работы определенный участок города и занималась изучением расположенных на его территории культовых построек. Так, например, в апреле 1924 г. Московско-Нарвский район был разделен между семью группами, которые и должны были осмотреть расположенные на его территории 25 церквей [6. Л. 26].

Как можно судить по немногочисленным сохранившимся биографическим сведениям, в комиссию преимущественно входили молодые люди, многие из которых были студентами и выпускниками Петроградского университета, Института истории искусств, а также Института гражданских инженеров. Ими составлялись описи всего ценного с художественной точки зрения, что хранилось в церквях, которые затем передавались руководству районов [Там же]. При этом надо отметить два обстоятельства: во-первых, интерес комиссии не ограничивался лишь православными храмами. Например, осматривались также лютеранская Церковь Христа Спасителя на Загородном проспекте, молитвенный дом латышских баптистов, ряд старообрядческих молелен [Там же. Л. 28 об.]. Во-вторых, внимание членов комиссии могли привлекать и памятники относительно недавнего времени. Так, характеризуя Церковь царицы Александры и Николая Чудотворца, расположенную напротив Путиловского завода, Таубер отмечал, что, хотя церковь «совсем новая, построена арх. Косяковым в 1906 году, по качеству работы, по строго выдержанному ансамблю представляет большой интерес, и посему ее всю желательно взять под охрану Об-ва» [Там же. Л. 26 об.].

Расхождения, существовавшие между стратегиями действия комиссии и государственных органов, хорошо видны на примере обсуждения положения Че-

сменской церкви – одного из самых значительных памятников петербургской церковной архитектуры конца XVIII в. Трудности вызывала уже сама формулировка позиции комиссии в официальном протоколе. Первоначально слова Таубера по этому вопросу были занесены в машинопись так: «...хотя передача Чесменской церкви общине верующих была бы лучшим способом ее сохранить, но такая форма охраны в Акцентре совершенно неприемлема». Затем вместо зачеркнутого утверждения «была бы лучшим способом» от руки в протокол было вписано менее определенное «могла бы», а рядом с упоминанием Акцентра, для которого это было бы неприемлемым, добавлено было «и для О-ва». Постановление же и вовсе первоначально было сформулировано как: «Предложить общине верующих ходатайствовать в Райисполкоме о передаче церкви и принять на себя охрану и ремонт здания». Наконец, вся эта часть оказалась зачеркнутой и вместо нее от руки в протокол было вписано следующее: «Вопрос о передаче Чесменской церкви общине верующих не входит в компетенцию О-ва» [6. Л. 27]. В черновике протокола и вовсе во фразе «ходатайствовать в Райисполком о разрешении богослужений» в последнем слове первые четыре буквы оказались вычеркнуты [Там же. Л. 31]. Комиссия полунтуитивно пыталась найти ту риторику, которая была бы наиболее выигрышной в сложившихся условиях, но удавалось это не всегда. Неудивительно, что иногда деятельность комиссии вызывала определенные подозрения со стороны властей. Возможно, с этим, например, было связано то, что передача Церкви св. Екатерины на Старо-Петергофском проспекте была внезапно задержана в самый день вывоза материалов «по причинам возникшего сомнения в целях Об-ва» [7. Л. 29].

Работы комиссии, тем не менее, приобретали все больший размах. Наряду с Московско-Нарвским планировалось обследовать Петроградский и Василеостровский районы, и 11 апреля 1924 г. по предложению все того же Таубера решено было изменить название комиссии с церковной на Комиссию по организации историко-бытового церковного музея [6. Л. 26]. Это изменение было подготовлено не только передачей такого ценного памятника, как оборудование Конюшенной церкви, но и определенными решениями Совета Общества.

На заседании Совета 4 марта 1924 г. Иосиф Болевич Михайловский, профессор Института гражданских инженеров [8. Л. 3] и председатель Бюро охраны художественно-исторических памятников, при котором действовала комиссия, сделал доклад об организации при Обществе церковного музея. В нем он сообщил, что в связи с упразднением домовых и приходских церквей Общество сохранило в доме № 1 по Волховскому переулку ряд предметов, имеющих художественное и бытовое значение. В настоящее время Бюро приняты меры к охране всех уже разрушенных и намечаемых к упразднению церквей, что гарантировало скорейшее пополнение фондов музея. В январе 1924 г. специальная комиссия от Общества осмотрела примыкающий к дому № 1 по Волховскому переулку дом № 3 и признала его подходящим для

организации Музея. Начались переговоры о его аренде [7. Л. 15]. 17 марта секретарь Общества С.Н. Жарновский предложил составить проект Церковного музея. Решено было поручить это в срочном порядке Церковной комиссии [Там же. Л. 23]. 1 апреля проект был заслушан на заседании Совета, и после внесения определенных корректив принят [Там же. Л. 29].

Сохранившаяся рукопись проекта написана рукой Таубера, таким образом, вероятно, его и следует считать основным автором концепции будущего Музея. Сферой интереса Музея объявлялись «все церковные сооружения и оборудование» Ленинграда и его окрестностей, созданные в период 1714–1914 гг., кроме сооружений, имеющих исключительное значение (первая категория), «отражающие в своих стилистических особенностях характерные черты всех исторических эпох Старого Петербурга» [6. Л. 22]. Именно этот пункт вызвал возражения на заседании Совета и по предложению архитектора М.И. Рославлева упоминание о сооружениях было исключено из утвержденного варианта плана [7. Л. 29].

В ведении музея оставалось лишь «церковное оборудование», которое должно было изучаться с точки зрения: 1) чисто художественной (стилистической) ценности, 2) исторического значения, 3) бытового содержания. На основании комбинированного применения всех трех критериев собираемый материал делился на пять групп. В первую входили предметы «чисто художественного характера»: образцы иконописи XVIII–XIX вв., цельные архитектурные сооружения выдающихся мастеров [6. Л. 22]. Вторую образовывали предметы художественно-исторического значения, «представляющие интерес как созданные в определенную эпоху (в связи) и отражающие известные направления, идеи и изобразительные приемы своего времени» (резные орнаментальные и скульптурные изображения, царские врата, символические изображения масонского и сектантского характера и пр.). В третью категорию попадали предметы «чисто исторического значения» (редкие церковные книги, архивные материалы, мемориальные, подписные и датированные предметы и т.д.). Четвертую составляли предметы «историко-бытового характера, изучаемые как с точки зрения их служебной обрядовой цели в смысле показателей исторического процесса традиций и обрядов, так и с точки зрения технического создания различных групп памятников как показателей производства рабочих групп населения старого Петербурга, определения их мастерства, условий работы, а также <...> условий их оплаты труда и общей жизненной обстановки». Наконец, в пятую категорию попадали предметы чисто бытового значения, «характеризующие житейскую обстановку различных классов населения в условиях их религиозных, обрядовых или ритуальных переживаний» (печатные иконы, кружки для пожертвований, типичные издания религиозного содержания, лампы и т.д.).

Классификация материала определяла то, что в плане именовалось «основными системами экспонирования» [Там же. Л. 22 об.]. Они должны были представлять собой ансамбли, иллюстрирующие «последовательно процесс изменения художественной фор-

мы на протяжении XVIII, XIX и начала XX столетия, со всеми вариантами архитектоники иконостасов, иконописных и живописных изображений, скульптурной и резной орнаментики» [6. Л. 22 об.–23]. Предполагалась контекстуализация основного ряда экспонатов путем включения в экспозицию сопутствующего документирующего материала (архивные документы и пр.). Особый отдел прикладного искусства должны были составить отдельные фрагменты памятников, «не заслуживающих быть воссозданными целиком, но представляющих определенный технический интерес». Здесь также представленный материал должен был сопровождаться документами, иллюстрирующими условия и оплату труда, средства и способы производства и т.д. [Там же. Л. 23]. Наконец, к бытовому отделению Музея относились все предметы, попавшие в пятую категорию, а также те, что не были связаны с какими-то определенными ансамблями и не представляли интереса с точки зрения художественной или художественно-промышленной [Там же].

Из этого плана становится очевидным, что по своему характеру Музей должен был примыкать к весьма представительной группе существовавших и создававшихся в этот период в Петрограде историко-бытовых музеев. Поэтому вполне естественно, что 12 мая 1924 г. план его организации обсуждался и был утвержден на Совещании хранителей Историко-Бытового Отдела Русского музея [Там же. Л. 9], признавшего, что, хотя религиозный быт и входит в сферу интересов данного Отдела, но «по условиям времени, не позволяющим Отделу организовать такое отделение, представляется целесообразным допустить в этом деле инициативу частного Общества» [Там же. Л. 33 об.].

22 апреля утверждены на заседании Совета Общества были бюджет и штаты Музея, и на повестку дня встал вопрос об установлении отношений с государственными структурами, сфера деятельности которых пересекалась с областью интересов Музея [Там же. Л. 40]. В первую очередь речь шла о Музейном фонде и Комитете по охране и реставрации монументальных памятников. Представляя проект штатов Музея, Таубер отметил, что отношение В.И. Ерыкалова, возглавлявшего Музейный фонд, к деятельности Музея носит двойственный характер: он считает «с одной стороны, что Об-во вторглось в своей деятельности в сферу компетенции Муз. Фонда, но с другой стороны полагает нужным включение Церковного Музея О-ва в сеть других регулярно снабжаемых запасами Фонда». Условием последнего для него были гарантии со стороны Общества предоставить «реальные возможности осуществления своего Музея» [7. Л. 40].

Отношения с Комитетом также складывались не просто. 25 апреля представители Общества совместно с председателем Комитета А.П. Удаленковым рассмотрели подлежащую упразднению и предложенную для передачи Музею церковь Второго кадетского корпуса. В ходе этой встречи Удаленков поставил вопрос «о существовании названного музея» [9. Л. 59]. Возражения с его стороны вызвало намерение Музея собирать предметы «чисто художественного характера», так как первоклассные предметы такого рода должны

поступать в Русский музей, «собирать же картины и иконы, представляющие из себя хлам», нет никакого смысла. По мнению Удаленкова, Музей должен был стать собранием одних только иконостасов, т.е. «музеем образцов резчицкой работы, не загромождаясь собиранием иных предметов, требующих излишней работы и средств» [9. Л. 59]. Представители Музея, конечно же, с такой точкой зрения согласиться не могли. Для них принципиально важным было сохранение именно комплексного характера памятника [2. С. 63]. Аргументируя такой подход, Таубер отметил, что реализация на практике идеи Удаленкова невозможна, так как демонстрация длинных рядов пустых иконостасов – «пустых ничем не заполненных пролетов», – «создававшихся вообще не как произведение вполне самостоятельное, а как некое обрамление», бессмысленна хотя бы с экспозиционной точки зрения. Удаленков, отстаивая свою идею «музея резчицкого мастерства», вспомнил, «что ему, как архитектору, приходилось неоднократно проектировать иконостасы, и эта работа всегда производится без икон», а потому «имеется простой способ избежать образования пустых пролетов <...> – это закрывать их картоном, окрашенным в соответствующий цвет» [9. Л. 59]. Такой личный опыт представителей Общества не убедил. Они еще раз продемонстрировали свою приверженность историко-бытовому направлению работы и заявили, что в первую очередь Музей будут интересоваться «типовые для каждой взятой эпохи величины и их изменения» [6. Л. 32 об.].

В итоге, 11 июня 1924 г. Комитет все же разрешил «в каждом отдельном случае Обществу выемку иконостасов и отдельных фрагментов из упраздненных домовых церквей», при этом оговорив необходимость вести строгий учет всем поступающим предметам и заносить их хронологически в особую шнуровую книгу [9. Л. 40].

За день до этого, 10 июня Совет Общества, заслушав очередной доклад Таубера, окончательно одобрил размещение Музея в двух домах на Волховском переулке и постановил немедленно приступить к реализации собрания предметов историко-бытового церковного музея [7. Л. 62–62 об.]. 2 июля Совет утвердил предложение о том, что все доходы от дома № 3, часть помещений которого составляли жилые квартиры, предназначены исключительно для нужд Музея [Там же. Л. 73 об.], а 27 августа Таубер был официально назначен его ответственным хранителем [Там же. Л. 76 об.].

Сложнее всего складывались отношения Музея с Ленинградским отделением Главнауки (далее – ЛОГ). В одном из отчетов Музея они были охарактеризованы как «принципиальные разногласия» [10. Л. 22]. Яркое отражение эти разногласия нашли в Акте обследования Общества, составленном специальной Комиссией ЛОГ осенью 1925 г. В нем наряду с многочисленными выявленными недочетами (вроде «преувеличения Обществом своих работ», определения двух десятков собранных иконостасов как «пустого места» и указания на «посягательства на задачи Историко-Бытового Отдела Русского музея») утверждалось, что «непременным условием» того, что

«Общество могло бы в области охраны вещественных памятников сделать много полезного», является его работа непременно в «тесной связи с Музейным Фондом ЛОГ, действуя по его заданиям» [6. Л. 33–36]. Возможно, отчасти этим конфликтом объясняются попытки Музея найти поддержку в Москве, которые на какое-то время увенчались успехом и способствовали упрочению его собирательской деятельности.

Еще в декабре 1924 г. Общество обратилось в Москву к заведующему Центральными Реставрационными мастерскими И.Э. Грабарю и Наркому просвещения А.В. Луначарскому с просьбой поддержать деятельность Музея [10. Л. 11–11 об.]. В феврале 1925 г. в Ленинград приехал сам Грабарь и Таубер был вызван к нему для доклада. По словам Таубера, «после двухчасового совещания И.Э. Грабарь высказал самое полное одобрение всей произведенной работы и указал, что ни в каких поправках она не нуждается» [Там же. Л. 2]. Пообещав «всяческую поддержку», Грабарь даже указал на возможность выделения нескольких штатных единиц для работы по Музею [Там же]. В июне 1925 г. Таубер был отправлен в командировку в Москву, и это дало ему возможность решить некоторые вопросы, стоявшие перед Музеем. Самым насущным был, конечно, финансовый вопрос. Здесь Таубер проявил себя как талантливый дипломат, так как итогом его переговоров стало не только «исключительно-внимательное отношение» возглавлявшей Музейный отдел Н.И. Троцкой к докладу о работах Музея, но и обещание специальной субсидии, выделяемой Обществу на нужды Музея [Там же. Л. 12 об.]. При этом, однако, по предложению заместителя Троцкой С.Н. Григорова в программу Музея были внесены некоторые корректировки «в смысле желательности расширить ее и ввести в Музей коллекции архитектурных образцов и фрагментов чисто гражданского искусства, объединяя их в форме собрания художественных образцов внутренней отделки архитектурных памятников» [Там же]. Так опасная церковная тематика, по крайней мере, на уровне риторики нивелировалась, а за Музеем закреплялось новое наименование – Музея внутренней отделки архитектурных памятников.

«Энергичное и чрезвычайно ценное для Общества поощрение» [Там же] со стороны Троцкой означало не только завершение «идеологического спора о задачах Музея и объемах его компетенции» (как отмечалось в отчете Музея за 1925–1926 год [Там же. Л. 15]). В апреле 1926 г. Таубер вторично побывал в Москве. По итогам этой поездки Музей поступал в непосредственное ведение Музейного отдела Главнауки и мог «быть ликвидирован лишь по соглашению с Музейным Отделом», а Музейному фонду предлагалось «произвести отбор для Музея О-ва тех предметов, которые вывезены были в разное время из церковных ансамблей» [Там же. Л. 23]. И хотя полученная в итоге субсидия была значительно меньше той, что предполагалась изначально, Музей, получив поддержку в Москве, мог более или менее спокойно продолжать работы по формированию собрания. Каковы были основные пути поступления сюда предметов?

Можно выделить три основных направления, масштабы которых существенно различались: во-первых, это передача предметов интерьера закрывающихся

церквей; во-вторых, частные пожертвования; и, в-третьих, поступления отдельных элементов убранства зданий гражданской архитектуры.

Первое направление было, безусловно, самым значительным, как по количеству поступающих предметов, так и по их значимости для программы Музея, ориентированной на сохранение целостных ансамблей. К осени 1925 г., т.е. примерно за два первых года существования, в помещения Музея доставлены были 17 ансамблей закрытых церквей и еще несколько намечались к перевозке [6. Л. 35]. Причем некоторые из них выделялись как масштабом, так и историко-художественным значением. Сравнение списка церквей, включенного в ответ на составленный ЛОГ Акт обследования деятельности Общества, с делопроизводственными материалами Общества позволяет предполагать, что список составлен в хронологической последовательности поступления церковных ансамблей в Музей и, следовательно, порядок формирования его фондов за период с сентября 1923 г. по октябрь 1925 г. может быть представлен следующим образом: Конюшенная церковь (сентябрь 1923 г.), Финляндского Лейб-гвардии полка, св. Екатерины на Старо-Петергофском шоссе (апрель 1924 г.), Морского корпуса (июнь 1924 г.), Градских Богаделен, Университетская (часть, июнь 1924 г.), Больницы Марии Магдалины (часть), богадельни Захария и Елизаветы, Главного почтамта (сентябрь–октябрь 1924 г.), Сената (октябрь–ноябрь 1924 г.), воспитательного дома (Сиротского института) (часть, осень 1924 г.), военно-походной канцелярии Николая II (ноябрь–декабрь 1924 г.), Ярославского подворья (январь 1925 г.), Зубовского инвалидного дома в Троице-Сергиевой пустыни, Адмиралтейства (ноябрь 1925 г.), училища правоведения (октябрь–ноябрь 1925 г.), дома Мятлевых (сентябрь–октябрь 1925 г.) [Там же].

Уже после составления данного документа, в октябре – ноябре 1925 г. Музею переданы были материалы Митрополичьей Крестовой церкви Александроневской лавры, вывоз которых, однако, затянулся почти на полтора года [10. Л. 19]. В марте 1926 г. из бывшего имения Всеволожских Рябово в Музей был доставлен иконостас домово́й церкви, в апреле сюда поступило оборудование церкви бывшего Ремесленного училища Цесаревича Николая и было получено разрешение на передачу церкви Михаила Архангела над Митрополичьими покоями [Там же. Л. 27], начались переговоры о церкви бывшей Мариинской больницы, построенной в 1803 г. Д. Кваренги, перевозку и разборку которой пришлось отложить из-за громоздкости иконостаса. В июне в музей перевезли церковь Синодального подворья, в июле – женского отделения Обуховской больницы, а в августе – Таврического дворца [Там же. Л. 28].

Перевозка монументальных ансамблей зачастую была сопряжена с серьезными трудностями, особенно в условиях постоянной нехватки финансов. Достаточно отметить, например, что для одной только Почтамтской церкви, которую пришлось срочно вывозить «вследствие приспособления б. церковного помещения под музей аппаратов и приборов службы связи», понадобилось четыре подводы [Там же. Л. 1 об.]. Не-

редко памятники приходилось разбирать на месте и фиксировать в записях первоначальное положение каждой детали, нумеровать отдельные элементы и наносить их на специальные чертежи. При разборе иконостаса Почтамтской церкви, например, «были произведены предварительные обмеры и чертежи. Несмотря на трудность разборки, вследствие скрепления всех частей иконостаса коваными, загибающимися на концах гвоздями, сохранены были по возможности и задняя обшивка его, и внутренние деревянные части. Не удалось только сохранить, по причине ее громадности и невозможности вынести в какие-либо двери, конху над царскими воротами, составленную из отдельных брусьев и заполненную между стенками древесным углем» [10. Л. 9]. Там же разобраны и в разобранном виде в Музей перевезены были два монументальных паникадила [Там же. Л. 10]. В церкви училища правоповедения особенный интерес представлял спроектированный Стасовым иконостас – «единственный в своем роде, так как он покрыт весь стеклянными пластинками, наложенными на зеленой фольге, и украшен стеклянными колоннами, представлял особые трудности по его разборке и перевозке. После длительной и кропотливой работы эта задача была выполнена» [Там же. Л. 17].

Иногда в силу финансовых и кадровых трудностей Общество не успевало вывезти переданное ему церковное имущество, и оно оказывалось расплывленным. Так было с церковью Ярославского подворья, в которой сохранялся ряд предметов Елизаветинской эпохи. Церковное помещение необходимо было срочно освободить, Общество не успело вывезти интерьер, он оказался разрознен. Сотруднику Музейной комиссии А.К. Зеленину пришлось разыскивать предметы XVIII в. в нескольких учреждениях вроде Коммунистического клуба «Спайка». В итоге в фонды Музея все же поступило 49 предметов [Там же. Л. 2].

Остро стояла проблема сохранности перевозимого имущества. Так, например, во время подготовки к перевозке сенатской церкви произошло хищение одной из тех трех икон иконостаса, которые Музейный Фонд отобрал для передачи в Русский музей [9. Л. 64]. Стремление Музейного Фонда изъять из передаваемого Музею ансамбля отдельные наиболее ценные предметы, нарушавшее установку Музея на сохранение целостного комплекса, было еще одной трудностью, с которой приходилось сталкиваться достаточно регулярно. В этом отношении показательны случаи домовой церкви Мятлевых, размещавшейся в их особняке на Исаакиевской площади. Через несколько недель после того, как церковь была предложена ЛОГ Музею, Музейный Фонд отправил туда своего сотрудника, уполномочив его изъять в пользу Фонда ряд предметов обстановки. В итоге Музею остались только иконостас и балюстрада красного дерева, а также несколько предметов утвари. Большая часть предметов перешла Музейному Фонду, который, выделив из нее то, что посчитал для себя непригодным, передал ряд икон и облачений Центральному городскому району. Ансамбль, таким образом, был разделен на три части, и понимание его первоначального характера оказывалось возможным только лишь

благодаря тому, что еще до разделения член Общества Н.А. Маковская провела его обмеры и фотофиксацию [10. Л. 20]. Более того, в данном случае для того, чтобы получить интересующие его предметы, Обществу пришлось прибегнуть к своеобразному бартеру – расположенный в Доме Мятлевых Государственный институт художественной культуры согласился обменять один из киотов красного дерева, находившийся прежде в церкви, на другой элемент функциональной мебелировки. Общество пожертвовало принадлежавшим ему «новым дубовым шкафом в стиле модерн», но киот получило [7. Л. 152].

Иногда в ходе подготовки к перевозке намеченных к передаче предметов происходили неожиданные открытия. Так было в случае с Адмиралтейством. В помещении Адмиралтейского собора решили организовать Революционный отдел Военно-морского музея, а потому все предметы церковного обихода сложили на главной церковной лестнице и подготовили к сдаче на слом. Благодаря инициативе сотрудников Военно-морского музея вместо слома они попали в руки членов Общества. Оказавшись в Адмиралтействе, члены Общества решили осмотреть все здание, что «привело к обнаружению значительного склада чрезвычайно ценных в историко-художественном отношении вещей, составлявших большую часть ансамбля Адмиралтейского Собора и сложенных в различных полутемных и совершенно темных помещениях по трем этажам Главной Башни» [10. Л. 17–18]. Предположительно, это были элементы убранства третьего Исаакиевского собора, построенного А. Ринальди и В. Бренна (16 картин, покрытых медными позолоченными рельефными окладами, царские врата и ряд больших изображений в рост на дереве и холсте). Передача целостных ансамблей церковного убранства была, таким образом, наиболее значимой формой пополнения музейной коллекции. Она велась наиболее систематически. Для того чтобы упорядочить эту работу, Общество получило от ЛОГ список церквей, находящихся под государственной охраной, а от райисполкомов Ленинграда – списки закрытых и действующих церквей, находящихся на их территории [Там же. Л. 11 об.].

Менее масштабными были частные пожертвования. Нам удалось обнаружить упоминания о двух случаях такого рода. 15 июня 1924 г. художник И.И. Ваулин, тесно связанный с деятельностью Общества и, возможно, знакомый с заведующим Музеем Таубером еще со времени обучения в Санкт-Петербургском университете, передал в дар музею свое собрание икон и царских врат (57 единиц), старинных церковных книг (72 экземпляра), а также иконографического материала по старому Петербургу (67 гравюр, литографий и книг) [9. Л. 61]. А 18 мая 1925 г. уже сам Таубер пожертвовал шесть ящиков с разобранными частями различной медной посеребренной церковной утвари (паникадил, подсвечников, лампад рубежа XVIII–XIX вв.) из собственной коллекции [7. Л. 92].

Как отмечалось выше, оформление субсидии Наркомпроса вызвало перемены в названии музея и расширение его собирательской деятельности за счет включения в коллекцию элементов гражданской архитектуры. Их место в музейном собрании, однако, совершенно не соответствовало новой риторике. Их было

немного, и они занимали явно подчиненное по отношению к церковным памятникам положение. Иногда предметы светского характера поступали вместе с церковным ансамблем – так было, например, в случае с церковью училища правоведения, когда наряду с религиозными объектами Общество вывезло в Музей еще и ряд портретов, «имеющих историческое значение, и пополнивших начатую коллекцию музейных портретов» [10. Л. 17]. Пути поступления других предметов такого рода не вполне понятны, но они явно передавались в Музей вне связи с какими-то церковными памятниками. По большей части это были находки Секции охраны памятников Общества (как вскоре стало называться прежнее Бюро). Здесь оказались, например, медные позолоченные буквы надписи, снятой с фасада Михайловского замка, входные двери особняка О. Монферрана, художественные детали и фрагменты избы из деревни Большое Кузьмино [10. Л. 13].

С самого начала своей деятельности Общество уделяло большое внимание охране исторических некрополей. При нем действовала специальная Комиссия по охране ленинградских кладбищ, председатель которой, В.М. Федоров, входил и в состав комиссии по организации Музея. Охрана памятников на местах не всегда приводила к желаемым результатам. При обследовании в феврале 1926 г. Смоленского кладбища членами Общества был поставлен вопрос о вывозе в Музей ряда мраморных памятников XVIII–XIX вв., которым угрожало уничтожение не только из-за воздействия атмосферных осадков, но и потому, что было «замечено систематическое хищение мраморных частей, употребляемых в качестве материала для разбития на щебень». Вывезенными в итоге оказались несколько бронзовых бюстов с кладбища, относительно же мраморных памятниках Губоткомхоз распорядился передать Обществу все, какие только то сойдут нужными [7. Л. 152 об.].

Иногда в Музей поступали предметы совсем неожиданные. Так, в начале марта 1925 г. «Красная газета» сообщила Обществу о том, что в саду при мызе Графская, близ станции Удельная, в бывшем имении Грабе находится каменная статуя неясного происхождения. При осмотре статуи выяснилось, что это каменная баба, т.е. статуя культового характера, датированная сотрудниками Общества IV–VII вв. н.э. Оставлять ее на месте было нельзя, так как «статуя подвергается даже умышленной порче со стороны местного населения», поэтому было решено перевезти ее в Музей. Выборгский исполком дал соответствующее распоряжение, статую привезли на Волховской переулоч, но «вследствие громадной своей тяжести в отсутствии приспособлений ее пришлось временно оставить внизу в вестибюле парадной лестницы». Только через несколько дней памятник занял свое место в будущих экспозиционных залах [10. Л. 2, 11].

Еще одним важным и масштабным поступлением в фонды Музея стала библиотека Александро-Невской лавры, включавшая примерно 10 тыс. томов по вопросам богословия, истории церкви, религиозно-нравственной литературы. Как отмечалось в материалах Музея, «только при условии владения подобной библиотекой может быть подведено действительно глубокое

основание для построения столь сложного по своим заданиям и единственного пока Музея» [10. Л. 7].

Книги первоначально размещались в Новой Ризнице Александро-Невской лавры, помещение которой также перешло в ведение Общества еще в конце 1923 г. Общество вынашивало планы возрождения лаврского Музея (о нем см.: [11. С. 127–135]), но вскоре отказалось от этой идеи и тогда-то, вероятно, было решено включить библиотеку в состав строящегося Музея. Книги перевезли в сентябре 1925 г. вместе с 40 специально заказанными (вероятно, еще Лаврой) однотипными шкафами [7. Л. 121; 10. Л. 7], а в январе 1926 г. «в совершенно неотапливаемых помещениях, при температуре, падающей до 10° ниже нуля» они были классифицированы и расставлены в пяти комнатах музейного здания членом Музейной комиссии М.П. Беловым [7. Л. 140 об.; 10. Л. 16].

Так, к осени 1926 г. в музейных зданиях на Волховском переулочке было составлено весьма представительное собрание культовых памятников петербургского периода, включавшее как целостные ансамбли порядка двадцати закрытых церквей, так и отдельные предметы декоративно-прикладного искусства, более 10 тыс. книг религиозной тематики и внушительный научно-справочный материал (на каждый поступавший памятник составлялось специальное досье, включавшее среди прочего обмеры и фотофиксацию). В 1927 г. Музей начал работы по организации экспозиции. Для ее обсуждения были привлечены специалисты Историко-Бытового Отдела Русского музея и Реставрационной мастерской, но завершить эти работы не удалось. Еще большее ухудшение и без того тяжелой финансовой ситуации, а также конфликт между Обществом и Музеем привели к появлению планов перевода Музея на правах особого отдела в состав Музея Города. Последний в это время и сам стал объектом «пристального внимания» властных структур и переживал «реконструкцию», в реальности напомиравшую разгром. Музейные помещения по решению Горисполкома были переданы в жилой фонд «для заселения таковых нуждающимся рабочим населением Васильевского Острова» [9. Л. 88 об.]. Все музейное имущество в срочном порядке передали Музейному Фонду, который, составив специальную комиссию, перераспределил его между заинтересованными музейными и научными учреждениями Ленинграда. Из общего количества порядка 1 600 предметов в Русский музей было выделено 110, в Музей Города – 81, Академию художеств – 7, Книжный фонд – 106 книг, Архив-Бюро – 11 пачек документов, Госфонд (для реализации) – 568 единиц [12. Л. 314 об.]. Библиотека Александро-Невской лавры отошла Книжному фонду, претендовавшему на нее еще в 1924 г. [13. Л. 9]. Возможно, связаны с деятельностью Музея были и те сто с небольшим фотографий культовых сооружений Петербурга – Ленинграда, которые в 1930 г. Общество передало в Музей Города [14. Л. 1–3].

Как видим, за свою недолгую историю Музей сумел составить весьма представительную коллекцию, уникальность которой определялась не только объектом коллекционирования – памятниками церковной культуры петербургского периода, но и ком-

плексным подходом к сохранению целостного ансамбля как историко-художественного феномена. Неблагоприятные финансовые и административные обстоятельства не позволили развиваться этой деятельности и открыть частично подготовленную экспозицию для посетителей (заметим, что никакого

следа идеологических факторов в документах о ликвидации Музея нет). Вместе с тем усилия энтузиастов – создателей Музея не пропали полностью, так как значительная часть собранного ими материала вошла в состав собраний других музеев и так сохранилась до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ СПб). Ф. 32. Оп. 1. Д. 30.
2. Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001. 163 с.
3. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.
4. Шехурина Л.Д. Музейная деятельность общества «Старый Петербург – Новый Ленинград» // Собор лиц : сб. ст. СПб., 2006. С. 189–196.
5. Шехурина Л.Д. Художник – Музей – Книга. СПб., 2008. 264 с.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 38.
7. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1.
8. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 2. Д. 2.
9. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4.
10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37.
11. Пивоварова Н.В. Памятники церковной старины в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е гг. М., 2014. 432 с.
12. ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397 а.
13. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6.
14. ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 16.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 февраля 2018 г.

THE MUSEUM OF THE OBSOLESCENT CULT (1923–1927): HISTORY OF CREATION AND MAIN WAYS OF COLLECTION FORMATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 57–64.

DOI: 10.17223/15617793/432/7

Vitaly G. Ananiev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.ananev@spbu.ru

Keywords: museum; museum studies; church; Museum of Obsolescent Cult; Society of Old Petersburg.

The article is devoted to the history of the foundation and the main ways of the formation of the collection of the Museum of the Obsolescent Cult, which existed in Petrograd (Leningrad) in 1923–1927. The museum was founded on the initiative of members of the Church Commission, which was a structure in the Society of Old Petersburg. Many of its members were young people, students of Petrograd University, the Institute of History of Arts and the Institute of Civil Engineers. They studied church monuments of Petrograd, drew up questionnaires for each building and found out important historical and cultural objects. Mass closure of family and institutional chapels at the beginning of the 1920s caused the foundation of the Museum of the Obsolescent Cult. The museum staff (V.A. Tauber, K.A. Zelenin, M.P. Belov) tried to preserve the entire ensembles of churches with decoration as an illustration of the development of church culture of the 18th – early 20th centuries. The author uses archival documents on the activities of the museum, preserved in the archival fund of the Society of Old Petersburg – New Leningrad (Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg). The history of the museum is traced by detectable sources. The author of the article analyzes the project of the museum, made by V.A. Tauber, and reveals the relationship of this museum with museums of everyday history operating at this time in Petrograd (Leningrad). The display of the complex relationship between the Museum of the Obsolescent Cult and the state institutions of monument and museum protection of Leningrad (Leningrad Branch of Glavnauka, the Museum Fund, the Committee for the Protection, Maintenance and Restoration of Historical Monuments) is an important part of the article. The author reveals three main ways of forming the collection of the museum: 1) assignation of the property of closed churches, 2) private donations, 3) acquisition of separate elements of decoration of civil buildings. The list of the churches assigned to the Museum of the Obsolescent Cult is compiled and presented in the article. The main part of assignation was carried out in 1924–1926. The period from 1923 to 1926 was the time when the museum collection was formed. At the beginning of 1927, the museum staff started forming an exposition but in the autumn of the same year the museum was closed. Although church monuments were quite a dissonant heritage for the cultural discourse of the early Soviet era, the closure of the museum was mostly due to economic and administrative, not ideological, reasons. The Society of Old Petersburg did not have financial means to maintain the museum, and two buildings on Vasilievsky Island, where it was located, were converted into apartments for the workers of Vasilievsky Island. The museum collection was transferred to the State Museum Fund, which divided its items between several museums (the State Russian Museum, the Museum of the History of the City) and Leningrad research institutions (the Academy of Sciences, the State Public Library).

REFERENCES

1. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 30. (In Russian).
2. Kaulen, M.E. (2001) *Muzei-khramy i muzei-monastyri v pervoe desyatiletie Sovetskoj vlasti* [Museums-temples and museum-monasteries in the first decade of the Soviet power]. Moscow: Luch.
3. Kaulen, M.E. (2012) *Muzeifikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museification of historical and cultural heritage of Russia]. Moscow: Eterna.
4. Shekhrina, L.D. (2006) *Muzeynaya deyatel'nost' obshchestva "Staryy Peterburg – Novyy Leningrad"* [Museum activity of the society "Old Petersburg – New Leningrad"]. In: Piotrovskiy, M.B. & Nikonova, A.A. (eds) *Sobor lits* [Cathedral of persons]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Shekhrina, L.D. (2008) *Khudozhnik – Muzey – Kniga* [Artist – Museum – Book]. St. Petersburg: Lemma.
6. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 38. (In Russian).

7. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 1. (In Russian).
8. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 2. File 2. (In Russian).
9. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 4. (In Russian).
10. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 37. (In Russian).
11. Pivovarova, N.V. (2014) *Pamyatniki tserkovnoy stariny v Peterburge – Petrograde – Leningrade. Iz istorii formirovaniya muzeynykh kollektsey: 1850–1930-e gg.* [Monuments of church antiquity in Petersburg – Petrograd – Leningrad. From the history of the formation of museum collections: 1850s–1930s]. Moscow: BuksMArt.
12. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 36. List 1. File 397 a. (In Russian).
13. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 6. (In Russian).
14. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 32. List 1. File 16. (In Russian).

Received: 18 February 2018